

М.А. Поляковская

ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКИЙ ЧИН КОРОНОВАНИЯ ВАСИЛЕВСА*

В последние два десятилетия заметен повышенный интерес исследователей к церемониальной культуре. Ритуал как форма политической культуры все чаще становится объектом пристального изучения. Ученых, представляющих это направление, иногда называют неоцеремониалистами, поскольку первая волна научного интереса к церемониалу приходится на конец XIX – первую половину XX в.¹ В изучении византийского церемониала эталонными считаются исследования Д.Ф. Беляева² и О. Трайтингера³.

Чин коронования – чаще во фрагментах – неоднократно исследовался многими учеными, но с преимущественным акцентом на материалы “Книги церемоний” эпохи Константина VII Багрянородного. Сочинение же Псевдо-Кодина “Трактат о должностях” середины XIV в., содержащее более полное описание обряда коронования василевса, исследовано в меньшей степени, в основном на примере отдельных этапов ритуала. В силу этого цельная реконструкция чина не лишена основания.

В акте коронации императора византийский церемониал как форма презентации власти достигал своей кульминации не только в силу особой торжественности ритуала и его парадной эффектности. Значимость коронационного чина определялась скорее тем, что в нем предельно четко была выражена императорская идея, являвшаяся основой официальной политической доктрины.

Акт коронации как апогей средневекового ритуала объединяет церемониальную культуру Византии и других европейских государств от Франции до Руси. Помазание, венчание, облачение, явление народу – вот ключевые моменты коронации правителя, но в каждой стране, в том числе и в Византийской империи различных эпох ее существования, можно наблюдать свою специфику.

* Статья написана в рамках проекта “Поздневизантийский церемониал как форма трансляции идеи могущества империи в условиях ее кризиса” при поддержке РГНФ (грант № 09-01-00158а).

¹ Bloch M. Les rois thaumaturges. Etudes sur le caractère surnaturel attribué à la puissance royale particulièrement en France et en Angleterre. P., 1924; Alföldi A. Die Ausgestaltung des monarchischen Zeremoniells am römischen Kaiserhof // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts, Römische Abteilung. 1934. Bd. 49. S. 3–118; Grabar A. L'empereur dans l'art byzantin. Recherches sur l'art officiel de l'empire d'Orient. P., 1936.

² Беляев Д.Ф. Byzantina I. Обзор главных частей Большого дворца византийских царей. СПб., 1891; Он же. Byzantina II. Ежедневные и воскресные приемы византийских царей и праздничные выходы их в храм св. Софии в IX–X в. СПб., 1893.

³ Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell. Vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken. Zweite unveränderte Auflage. Darmstadt, 1956 (перепечатка изданий 1938 и 1940 гг.).

Коронование в развитых монархических государствах средневековья придавало государю особую харизматическую значимость⁴ и создавало вокруг его персоны соответствующую ноуменальную атмосферу. Этот церемониальный акт был отмечен идеей сакральности личности монарха. В ходе чина коронации король, царь или император оказывались вознесенными в высшую сферу, именуемую божественной, что наделяло их особыми сакральными качествами и определяло священные основы власти⁵.

И в древних восточных государствах, и в античных монархиях, и в примитивных варварских государствах Европы властитель всегда воспринимался подданными в некоем ореоле божественности. Санкционирование же власти таким институтом как христианская церковь придавало этой идее – будь то абсолютистская Франция или наихристианнейшая Византия – особый авторитет, по сути дела, то кредо, на котором покоилась репрезентация власти⁶.

Византийская политическая идеология, отраженная в сотнях документов и речей, концентрировала все ее постулаты вокруг значительности для страны и всех ее подданных императорской власти и воплощенной в этой власти императорской идеи⁷. В основе официальной идеологии (“тиражируемой” и неофициальной риторикой) лежала мысль о божественном происхождении власти императора. Этот постулат, идущий от эпох домината и эллинистических государств, с упрочением христианства приобрел завершенный характер.

При исследовании концепции власти Г. Хунгером на основе преамбул (прооймиев) официальных актов были выделены выражавшие суть политической доктрины сложившиеся словесные формулы. Назовем наиболее точные и яркие из них: власть императора – “от Бога” (ἐκ Θεοῦ), император – “подражание Богу” (μίμησις Θεοῦ), “возлюбленный Бога” (θεοφίλης)⁸. Наряду с констатацией божественной природы власти в византийских источниках – как официального характера, так и в риторической литературе – традиционным являлось сравнение правителя с солнцем (ὁ ἥλιος). И если в “божественной сфере” император являлся пастырем (ὁ ποιμήν) своих подданных, то император-солнце посылал людям свои животворящие лучи⁹.

Если обратиться к сфере моральных качеств, входивших в “набор” императорских добродетелей, на которые был сориентирован образ василевса, то эти его качества вполне сравнимы с античной шкалой нравственных

⁴ Geertz C. Centers, Kings and Charisma: Reflections on the Symbolics of Power // Rites of Power: Symbolism, Ritual and Politics since the Middle Ages / Ed. S. Wilentz. Philadelphia, 1985. P. 13–16; Круглый стол “Харизма королевской власти” // СВ. 1995. Вып. 58. С. 144–178.

⁵ Hunger H. Reich der neuen Mitte. Der christliche Geist der byzantinischen Kultur. Graz; Wien; Köln, 1965. S. 61–108; Kantorowicz E.H. The King's Two Bodies: A Study in Medieval Political Theology. Princeton, 1957; Хачатурян Н.А. Сакральное в человеческом сознании. Загадки и поиски реальности // Священное тело короля. Ритуалы и мифология власти. М., 2006. С. 5–16; Она же. Король — sacré в пространстве взаимоотношений духовной и светской власти в средневековой Европе // Там же. С. 19–28.

⁶ Dvornik F. Early Christian and Byzantine Political Philosophy: Origins and Background. Vol. 2. Washington, 1966. P. 611–850; Runciman S. The Byzantine Theocracy. Cambridge; London; New York; Melburn, 1977.

⁷ Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee...; Angelov D. Imperial Ideology and Political Thought in Byzantium, 1204–1330. Cambridge, 2006. P. 10–13, 91–92, 154, 253, 309, 417.

⁸ Hunger H. Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wiener byzantinische Studien. Bd. I. Wien, 1964. S. 49–83.

⁹ Ibid. S. 75–80, 100–108.

ценностей¹⁰: мудрость (σοφία), мужественность (ἀνδρεία), справедливость (δικαιοσύνη), благоразумие (σωφροσύνη).

В каждую из византийских эпох какое-то качество в характеристике правителя становилось – в зависимости от потребностей эпохи – доминирующим¹¹: полководец, философ, филантроп. В поздневизантийскую эпоху, пожалуй, превалирующими среди всего набора традиционных характеристик стали человеколюбие (φιλανθρωπία) и благочестие (εὐσέβεια). Вероятно, это было связано, наряду с другими факторами, и с тем, что империи в XIV в., как никогда ранее (а ранее тоже было много трудных ситуаций!), была нужна защита не только императора-помазанника Божьего, но и самого Бога. Доминирующий моральный постулат “човеколюбие–благочестие” гармонично соединялся с идеей божественного происхождения власти монарха.

Византийский коронационный чин высшей степени своего исторического развития достиг в XIV в.¹² Сценарий коронации византийского самодержца в XIV в. можно реконструировать на основе четырех источников этого времени¹³. Два из них представляют предусмотренный протоколом трафарет чина коронации и не относятся к факту венчания какого-либо конкретного правителя. Это прежде всего “Трактат о должностях” Псевдо-Кодина¹⁴, являющийся самым полным описанием чина коронования, в том числе по сравнению с “Книгой церемоний” эпохи Константина VII Багрянородного¹⁵. Фрагмент изложения чина во флорентийской рукописи, опубликованной и прокомментированной Хр. Лопаревым¹⁶, также следует рассматривать как текст, соответствующий официальному протоколу. Издатель этого текста отметил, что имена императора Мануила II Палеолога и его супруги Елены были вставлены в текст неумелой рукой позднее: вместо ὁ δεῖνα – Μανουήλ, вместо ἡ δεῖνα – Ἑλένη¹⁷. Этот текст, являясь описанием общего коронационного чина, охватывает – в силу своей фрагментарности – лишь вторую его половину.

Два других источника являются записями свидетелей конкретных коронаций: это включенные в текст “Истории” Иоанна Кантакузина его свидетельства о венчании Андроника III Палеолога (1325 г.)¹⁸ и экскурс из паломнических за-

¹⁰ Утченко С.Д. Две шкалы римской системы ценностей // ВДИ. 1972. № 4. С. 29; Он же. Политические учения Древнего Рима III–I вв. М., 1977; Чекалова А.А. К вопросу о теории монархии в IV в. // ВО. 1991. С. 13–30.

¹¹ Чичуров И.С. Политическая идеология средневековья (Византия и Русь). М., 1991.

¹² Соколов И.И. О византинизме в церковно-историческом отношении. Избрание патриархов в Византии с середины IX до начала XV века (843–1453). Вселенские суды в Византии. СПб., 2003. С. 27.

¹³ О. Трайтингер называет только три источника: он не учитывал записок Игнатия Смоленского. См.: Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 15.

¹⁴ Pseudo-Kodinos. Traité des offices / Introduc., texte et traduc. par J. Verpeaux. P., 1976. P. 129–287 (Далее: Ps.-Kod.).

¹⁵ Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae Byzantinae / E rec. J.J. Reiskii. Vol. I. Bonnae, 1829. P. 410–432; 191–196 (Далее: De cer.).

¹⁶ Лопарев Хр. К чину царского коронования в Византии // Сборник статей в честь Димитрия Фомича Кобеко от его сослуживцев по Имп. Публичной библиотеке. СПб., 1913. С. 1–11. Текст источника переиздан Ж. Верпо: Ps.-Kod. P. 353–361.

¹⁷ Лопарев Хр. К чину царского коронования... С. 2.

¹⁸ Cantacuzeni Joannis Historiarum libri IV. Bonnae, 1828. I. 41.1.196–204. (Далее: Cant.).

писей иеродиакона Игнатия Смоленского о возложении венца на голову Мануила II Палеолога (1392)¹⁹. К сожалению, текст Иоанна Кантакузина, написанный много времени спустя после событий коронации Андроника III, воспроизводит протокол обряда коронования и не дает никаких новых деталей, приближаясь, по сути дела, к типу официального чина²⁰. Игнатий Смоленский же в тексте “О Царьском вънчании”, впечатленный зрелищем, описал лишь отдельные моменты, запомнившиеся ему как особенно яркие и значительные.

Наше описание сценария коронования будет прежде всего ориентировано на сочинение Псевдо-Кодина с учетом материалов названных текстов²¹. Вручение василевсом патриарху Символа веры можно считать первым этапом чина коронования правителя. Профессор Санкт-Петербургской Духовной академии И.И. Соколов в работе “О византинизме...” особо выделил этот момент ритуала возведения к власти, когда василевс “передавал патриарху собственноручно написанное исповедание веры, в коем обещался пребывать всегда верным и неизменным рабом и сыном Св. Церкви, защитником и покровителем ее, милостивым и человеколюбивым в отношении к подданным”²². В канун дня коронации, вечером, василевс с соответствующим случаю сопровождением направлялся из своей постоянной резиденции во Влахернах в Большой императорский дворец, где проводил ночь²³. С раннего утра его выхода поджидали высокие сановники, архонты, армия и жители города. Во втором часу²⁴ дня василевс, покинув дворец, направлялся с соответствующим окружением в расположенный неподалеку от дворца храм Св. Софии²⁵. По обычаю, он к тому времени уже написал собственноручно свой Символ веры (τῆς ἐαυτοῦ πίστεως ὁμολογίαν οἰκείαις χερσὶν ἐγγράφως)²⁶. Преамбула

¹⁹ Хожделение Игнатия Смолнянина // *Russian Travelers to Constantinople in the Fourteenth and Fifteenth Centuries* / By George P. Majeska. Washington, 1984. P. 105–113.

²⁰ Долгое время исследователи считали, что Псевдо-Кодин позаимствовал описания чина у Кантакузина (см., к примеру, исследование О. Трайтингера, с. 15, примеч. 27). Но у Ж. Верпо убедительно доказано, что оба эти автора независимо друг от друга пользовались одними и теми же официальными протоколами, и, к тому же, у Кантакузина текст описания лаконичнее, чем у Псевдо-Кодина. См. об этом: Ps.-Kod. Introduction. J. Verpeaux. P. 31.

²¹ Пятым источником условно можно считать сочинения архиепископа Фессалоники Симеона (1416/17–1429) “О священной литургии”, “О святом храме и освящении его” и др. Симеон, постоянно живя в Фессалонике, не был свидетелем проходивших в столице коронаций. Скорее его можно назвать толкователем смысла отдельных этапов чина коронования василевса.

²² Соколов И.И. О византинизме в церковно-историческом отношении... С. 27.

²³ Игнатий Смоленский пишет, что Мануил II ночь перед коронацией провел в одной из комнат галереи храма Св. Софии: “Ноши тоя царь на полатях бысть и егда приспѣ первые час дни, и снитде царь с полат и вниде в святую церковь предними великими дверми, иже зовуться царскаа” // *Russian Travelers to Constantinople...* P. 107. Следует доверять словам паломника, ибо Большой императорский дворец к концу XIV в. уже не мог быть пристанищем императора, а путь от Влахерн до храма Св. Софии был бы слишком далек, если бы василевс остался ночевать во Влахернском дворце (к тому же в 1392 г. был холодный февраль, см. примеч. 120).

²⁴ Это же время называет и Иоанн Кантакузин (Cant. I. 41.1. 196.15). Второй час дня – это по современному счету времени примерно 8 часов утра (Беляев Д.Ф. *Byzantina II...* С. 47). В Византии сутки делились на 12 ночных и 12 дневных часов, но их деление на ночные и дневные могло сдвигаться в зависимости от сезона (Grumel V. *La chronologie*. P., 1958. P. 163–165).

²⁵ Ps.-Kod. P. 252.2–15.

²⁶ Ibid. P. 252.16–18.

Символа веры писалась так: «Такой-то, во Христе Боге верный василевс и автократор Римлян, написал собственной рукой “ὁ васат”»²⁷.

После этих начальных слов Псевдо-Кодин приводит первую фразу текста Символа: “Верую во единого Бога Отца Вседержителя, Творца неба и земли, всего того, что видимо и невидимо”²⁸. Оговорив далее, что император написал текст Символа “до конца” (μέχρι τέλους)²⁹, автор обрядника приводит уверения от лица коронуемого императора: “Кроме того, я принимаю и подтверждаю апостольские и божественные учения, постановления и каноны семи вселенских соборов и последовательных местных церковных соборов, как и привилегии и обычаи (τὰ προνόμια καὶ ἔθιμα) пресвятой великой Божьей церкви. Также я подтверждаю и принимаю все то, что постановили и устроили наши святейшие и истинно божественные Отцы разумным, каноническим и безупречным путем. Я обещаю, равным образом, оставаться и быть постоянно верным и истинным слугой и сыном Святой церкви; быть, кроме того, ее защитником и мстителем за нее (εἶναι καὶ δεφένσωρ καὶ ἐκδικητὴς αὐτῆς); быть для подданных благосклонным и милосердным, как надлежит, воздерживаться от убийств, увечий и подобных вещей по возможности (καὶ ἀπέχεσθαι φόνων, ἀκρωτηριασμῶν καὶ τῶν ὁμοίων αὐτοῖς κατὰ τὸ δυνατόν), добиваться полной истины и справедливости. И то, что святые Отцы отвергли и предали анафеме, я тоже это отвергаю и предаю анафеме, и я верю всем своим умом, и душой, и сердцем в святой вышеназванный Символ. Я обещаю исполнять все это перед святой, кафолической³⁰ и апостольской Божьей церковью. В таком-то месяце, такого-то дня, такого-то индикта, такого-то года”³¹.

Написанное коронуемый император дополняет словами: “Такой-то во Христе Боге верный василевс и автократор римлян васат, подписав (Символ веры. – М.П.) своей собственной рукой, я передаю его наисвятейшему и ойкуменическому патриарху, господину васат и его божественному и священному синоду”. Мы видим, что дополнение к Символу по форме соответствует императорским хрисовулам. Дойдя до храма, василевс прежде всего направлялся в одну из патриарших палат, примыкавших к Св. Софии с южной и

²⁷ Ibid. P. 252.19–22. В греческом тексте с заглавной буквы написаны лишь слова “Христос” и “Римляне”. В нашем переводе учтено современное написание слов, относящихся к теологическому лексикону. Латинские слова “vasat” или “ὁ васат” означают оставленное пустое место, куда вписывается имя коронуемого василевса или патриарха (Ps.-Kod. P. 252.21; 254.21.24).

²⁸ Ibid. P. 253.4–7.

²⁹ Ibid. P. 253.8.

³⁰ После раскола 1054 г. западная (римская) церковь стала именоваться католической (всеобщей), а восточная – ортодоксальной (православной). И для западной, и для восточной церквей сохранялось понятие “вселенская” (католическая, кафолическая), соотносимое либо с римско-католическим, либо с православным миром. По И. Мейендорфу, “кафоличность поместной церкви предполагает в особенности, что эта последняя включает в себя всех православных христиан в данном месте”. См.: Мейендорф И. Православие в современном мире. N.Y., 1981. В Символе веры на церковнославянском языке слово “καθολικός” переводится как “соборный”. См.: Успенский Б.Ф. Царь и патриарх: харизма власти в России (византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 487–488.

³¹ Ps.-Kod. P. 253.9–254. 14. Иоанн Кантакузин ничего не сообщает о Символе веры (Cant. I. 41. 1. 196).

восточной сторон, – в триклиний Θωμαίτης³², выходящий “своим фасадом на площадь Августеон, где стояла вся масса народа с армией...”³³. Там василевс вручал патриарху Символ веры³⁴. Перед появлением императора на площади Августеон после его встречи с патриархом один из сенаторов (из заранее назначенных) по поручению василевса бросал в народ монеты³⁵. Это было преамбулой следующего этапа коронационного ритуала – поднятия василевса на щите.

Обычай поднятия на щите коронуемого (ὁ ἀναγορευόμενος)³⁶ императора восходит к ранневизантийскому времени и отражает раннюю традицию избрания нового правителя как полководца. Источники IV–V вв. свидетельствуют о короновании императоров на военном поле (Евдоме, близ Константинополя, а затем и на ипподроме) военной шейной цепью³⁷ – torques – и последующим поднятием коронуемого на щите. Император воспринимался через этот ритуал как великий полководец, защитник своего народа. Исследователь византийского церемониала О. Трайтингер назвал эту процедуру “eine militärische Krönungszeremonie”³⁸. Можно вспомнить коронование Маркиана I, Льва I, Анастасия I, Юстина I, правителей второй половины V – начала VI в.³⁹ Инсигниями власти были щит и копье⁴⁰.

С коронации Льва I (451–474) в процедуре стал принимать участие патриарх с короткой молитвой. Коронация Анастасия I (491–518) уже была четко представлена двумя этапами: сначала военное провозглашение, а затем – в Триклинии ипподрома – после того, как патриарх сотворит молитву, следовало возложение на василевса “императорской хламиды и украшенного драгоценными камнями венца”⁴¹. В этот период роль патриарха была еще второстепенной, но с возрастанием значимости религии и церкви в жизни общества ритуал коронования императора стал меняться в сторону увеличения

³² Ps.-Kod. P. 254.28–255.1. См. об этом: *Беляев Д.Ф.* Byzantina II... С. 137. Примеч. 1; *Guilland R.* Le Thomaîtes et le Patriarchat // *JÖBG.* 1956. T. V. P. 29–40; *Janin R.* Le palais patriarcal de Constantinople byzantine // *REB.* 1962. T. XX. P. 144–149.

³³ Ps.-Kod. P. 254.26–255.1.

³⁴ По Симеону Фессалоникийскому, василевс вручал патриарху Исповедание веры после ритуала поднятия на щите (*Симеон Фессалоникийский.* Разговор о святых священнодействиях и таинствах церковных // *Сочинения блаженного Симеона, архиепископа Фессалоникийского. Писания св. отцов и учителей Церкви, относящиеся к истолкованию православного богослужения.* М., 1994 (переиздание книги “Сочинения...”. СПб., 1856). Гл. 113. С. 198).

³⁵ Ps.-Kod. P. 255.1–19. Тема “власть и народ” отражена в статье: *Поляковская М.А.* Император и народ в Византии XIV в. в рамках церемониального пространства // *АДСВ.* 2003. Вып. 34. С. 314–321.

³⁶ Cant. I. 41. 1. 196. 20.

³⁷ *Ensslin W.* Zur Torqueskrönung und Schilderhebung bei der Kaiserwahl // *Klio.* 1942. Bd. 35. S. 268–298. Возложение шейной цепи на голову коронуемого является германским обычаем, который использовался уже во время провозглашения цезарем Юлиана Отступника. См.: *Чекалова А.А.* Архонты и сенаторы в избрании византийского императора (IV – первая половина VII в.) // *ВВ.* 2003. Т. 62. С. 10. Примеч. 26.

³⁸ *Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... С. 20.

³⁹ *Ibid.* S. 21–23; *Чекалова А.А.* Архонты и сенаторы... С. 6–20.

⁴⁰ *Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... С. 24.

⁴¹ *De cer.* Vol. I. P. 412.12; 425.5; 430.12–16. См. об этом: *Острогорский Г.А.* Эволюция византийского обряда коронования // *Византия, южные славяне и Древняя Русь. Западная Европа: Искусство и культура.* Сб. статей в честь В.Н. Лазарева. М., 1973. С. 34.

роли патриарха в нем. Постепенно из обряда инаугурации василевса ушла ее военная составляющая, уступив место церковному чину. Последним из императоров раннего периода, прошедшим через процедуру поднятия на щите и коронования военной шейной цепью, был преемник Юстиниана Великого Юстин II, пришедший к власти в 565 г.

В VII–VIII вв. для Византийской империи наступили времена, именуемые историками “темными веками”. Это был обширный кризис – из тех, которые ведут к глубинным переменам. Для империи эти перемены были связаны с постепенной феодализацией и общей медиевацией страны. В новых условиях стала возрастать роль церкви, что отразилось и на ритуале коронации: он утратил военные черты и подвергся большей сакрализации. Местом инаугурации становится храм. Чин коронования подвергся сакрализации, совершенно вытеснив воспоминания о военном стереотипе ритуала прихода к власти.

Лакуна в традиции поднятия императора на щите насчитывала семь с лишним столетий и была нарушена в начале XIII в. событиями четвертого крестового похода, приведшими к завоеванию Константинополя латинянами и к крушению Византийской империи.

Идея возрождения ритуала поднятия императора на щите родилась при дворе никейского императора Феодора I Ласкариса в начале XIII в. Никея была одним из “осколков” бывшей Византийской империи, наряду с Трапезундом и Эпиром. Именно Никея станет центром “греческого патриотизма”⁴².

В возрождении ритуала был некий элемент соперничества с латинянами. Дело в том, что латинский правитель Балдуин I Фландрский вскоре после завоевания Константинополя решил во имя легитимизации своей власти восстановить старый обычай Восточной Римской империи. Правитель Никеи Феодор I Ласкарис также обратился к этому ритуалу, но побудительные мотивы у никейского императора и правителя латинян были несколько различными. Если Балдуин, как мы смеем предположить, хотел упрочить свое положение в чужой для него стране через заимствование старого обряда эпохи Римской империи, то Феодор Ласкарис ориентировался на ранневизантийскую традицию с целью упрочения именно византийских истоков своей власти. Историческая память византийцев должна была через “реанимированный” ритуал аккумулировать представления о великом прошлом страны.

Псевдо-Кодин так описывает ритуал поднятия императора на щите: “...нового василевса, посаженного на щит (ἐπὶ σκουταρίου καθίσθεις)⁴³, поднимают вверх, чтобы он был виден стоявшей вокруг толпе (φαίνεται πᾶσι τοῖς κάτωθεν ἰσταμένοις πλήθει)⁴⁴. Василевс-отец инаугурируемого, если он жив, так же, как патриарх, держит переднюю часть щита; боковые стороны и задняя часть (щита) поддерживаются высшими сановниками, а именно деспотами, сева-

⁴² *Irmischer I.* Nikäa als “Mittelpunkt der griechischen Patriotismus” // BF. 1972. Bd. IV.

⁴³ Иоанн Кантакузин называет щит словом ἡ ἀσπίς. Заметим, что Кантакузин, как и Псевдо-Кодин, пишет о сидящем на щите василевсе: τοῦ μέλλοντος χρισθήσεσθαι βασιλέως ἐπὶ ἀσπίδος καθίσθέντος (Cant. I. 41. 1. 196. 19–21).

⁴⁴ Г.А.Острогорский, рассматривая последнюю ситуацию (император виден всей толпе), ссылается не на Псевдо-Кодина, а на Кантакузина, оговаривая, что “у Псевдо-Кодина этого замечания нет” (Эволюция византийского обряда коронования... С. 42. Примеч. 26). Однако тексты сочинений Псевдо-Кодина и Иоанна Кантакузина в этом фрагменте совпадают почти дословно (Cant. I. 41. 1. 197.1: τοῖς πλήθει ἐπιδεικνύουσι τὸν βασιλέα πάντοθεν περισταμένοις).

стократорами, кесарями, если у них имеется чин, и менее благородными из архонтов. Если у василевса нет более отца, передняя часть щита удерживается патриархом и наиболее важными из сановников или чинов, задняя часть – теми, о ком мы говорили. В то время, как народ и армия приветствуют его в знак единодушного избрания, он, спустившись со щита, сопровождается в храм Св. Софии, где он должен быть коронован”⁴⁵.

Восстановленный ритуал значительно отличался от прежнего. В отличие от военной ориентированности старого обычая возведения императора к власти ритуал поднятия на щите, возрожденный к жизни необходимостью сопротивляться победителям-крестоносцам, изменился в соответствии с изменившимся временем. Щит поднимали уже не военачальники, а патриарх и благородные архонты, родственники императора. Император уже не стоял на щите, а сидел, что лишало процедуру прежней ориентированности его образа полководца. Костюм императора раннего времени, состоявший из легкого дивитисия и плаща, сменился на тяжелые златотканые одежды, которые, надо полагать, не позволяли императору стоять на щите. Военные инсигнии – копье и шейная военная цепь – уже не использовались в сценарии.

Существуют разногласия и по поводу того, сидел или стоял василевс на щите. В ранневизантийское время он определенно стоял во весь рост. В пользу ситуации стоящего на щите императора свидетельствует и иконографический материал: это известная миниатюра из мадридской рукописи XIV в., содержащей хронику Иоанна Скилицы⁴⁶. По Псевдо-Кодину же, как показано выше, император не стоял, а сидел на щите. В качестве аргумента в пользу того, что василевс сидел на щите, можно использовать и свидетельства Георгия Акрополита о коронации Михаила Палеолога в 1259 г. в Нимфее: “Итак, посадив на императорский щит, первые гражданские должностные лица и высшие начальники войска провозгласили его императором”⁴⁷. Более военный характер ритуала по сравнению с описанным Псевдо-Кодином, видимо, определяла ситуация: Никея готовилась к освобождению Константинополя от латинян.

Заметим, что ритуал поднятия на щите в эпоху Палеологов приобрел в некоторой степени “декоративный” характер. Это был уже не прежний ритуал, а скорее напоминание о нем, но с существенными коррективами, соответствующими эпохе. Заметим, правда, что и на первом, и на втором этапе ритуал проходил в присутствии армии и народа, под их ликующие возгласы. Это и было реальным условием возможности закрепления в памяти народа такого обычая, ориентированного в поздний период существования Византии скорее не на идею непобедимости империи, а на более общую и несколько абстрактную идею величия державы. В условиях начавшегося медленного проникновения турок в пределы империи ритуал инаугурации василевса содержал позитивные ценностные ориентиры, которые и должны были закреп-

⁴⁵ Ps.-Kod. P. 255.20–256.20.

⁴⁶ Collection des Hautes Etudes. 869. См.: Grabar A. L'empereur dans l'art byzantin... (в русском переводе – М., 2000). О. Трайтингер также пишет применительно к ситуации XIV в., что император сидел на щите: Der Kaiser wird... auf einen Schild gesetzt und in die Höhe gehoben (Treitinger O. Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 23).

⁴⁷ Георгий Акрополит. История / Пер., вступит. ст., коммент. и прил. П.И. Жаворонкова. СПб., 2005. Гл. 77. С. 125.

питься в социальной памяти народа. Мысль о величии империи, даже не соответствуя реальной ситуации, была призвана укреплять дух народа в крайне сложной для Византии международной расстановке сил.

Ритуал поднятия коронуемого на щите не был исключительно византийской традицией: он известен и раннесредневековой Европе⁴⁸. Однако исторические корни ритуала в европейских регионах были различными. Если для Византии это, без сомнения, традиция, идущая от времен Восточной Римской империи, то в Западной и Центральной Европе, если там имел место этот ритуал, он восходил к древнему германскому обычаю поднимать вождя на щит, чтобы он был виден всем⁴⁹. Первое знакомство с франкфуртским обычаем XIV в. усаживать коронуемого на алтарь, лицом к присутствующим, вызывает некоторую ассоциацию с поднятием на щите. Однако исследователь этого обычая М.А. Бойцов убедительно доказал, что этот ритуал не имеет военных корней, а полностью подчинен идее сакрализации коронованного правителя⁵⁰.

Итак, восстановленный никейскими правителями обычай поднимать коронуемого василевса на щите восходил к ранней Византии и не был заимствован как западный ритуал под впечатлением коронации Балдуина Фландрского.

Следующий этап церемонии коронования императора – помазание (χρίσις) – является ее апогеем. Пройдя именно через этот акт, василевс становился подражанием Богу (μίμησις Θεοῦ), ибо сам Христос (ὁ Χριστός) является помазанником Бога, о чем говорит и его имя. С момента помазания василевса описываемый Псевдо-Кодином и Иоанном Кантакузином обряд можно сравнивать с флорентийским чином коронования Мануила II, а также с записями Игнатия Смоленского. После свершения ритуала поднятия на щите император под приветственные крики народа и армии⁵¹ направлялся в храм Св. Софии, где в специальном небольшом деревянном строении его переодевали в саккос и диадему, уже освященные архиереями⁵². Игнатий Смоленский написал примерно то же: “Царь же, вшед в чертог, облечется в багряницу и диадиму и вѣнец кесарьский около главы с столпѣчики”⁵³. Это происходило на фоне продолжающейся литургии. После облачения в освященные одежды, с диадемой на голове василевс вместе с членами своей семьи (включая старшего императора и его супругу, если они были живы), поднимался по ступеням на установленное в храме деревянное возвышение (анавафру), где они садились на золоченные кресла.

⁴⁸ См., к примеру, работу: *Польская С.А.* Французский монарх, церковь и двор: ролевое участие сторон в церемонии королевского посвящения // Священное тело короля... С. 251.

⁴⁹ Разновидностью этого обычая был ритуал возведения конунгов на камень у скандинавов и кельтов, а также усаживание на коня в Германии. См.: *Бойцов М.А.* Сидя на алтаре... // Священное тело короля... С. 196.

⁵⁰ Там же. С. 190–262.

⁵¹ Когда речь идет о приветственных возгласах в ходе церемоний, упоминание «народ и армия» (ὁ λαὸς καὶ φωσάτων) имеет вид традиционной формулы.

⁵² Ps.-Kod. P. 256.20–26; Cant. I. 41. 1. 197. 3–6.

⁵³ Russian Travelers to Constantinople... P. 109. Замечание о кесарском венце не совсем ясно. П. Шрайнер предполагает, что это не венец, а ὁ πῖλος (шапка) (*Schreiner P.* Hochzeit und Krönung Kaiser Manuels II. im Jahre 1392 // BZ. 1967. Bd. 60. H. 1. S. 82. Anm. 66). В переводе Ж. Верпо ὁ πῖλος — это le bonnet (чепчик, колпак, шапка, шляпа) (Ps.-Kod. P. 320.24, 321.38).

По Псевдо-Кодину, обряд помазания был определен следующей последовательностью. Перед гимном Τρισάγιον (“Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Бессмертный, помилуй нас!”) патриарх выходил из алтаря и поднимался на амвон вместе с самыми высокими лицами из архонтов церкви, а затем – при установившемся глубоком молчании – приглашал императора (или императоров) на амвон и читал молитвы на помазание⁵⁴. Автор обрядника передает лишь смысл молитвы: “...патриарх читает сложные молитвы для помазания императоров, одни тихо, другие громко; он просит и молит Бога за императора, который скоро будет помазан (χρισθήσεσθαι)”⁵⁵.

По флорентийскому чину, этот этап коронации, началом которого был малый Вход, выглядел несколько иначе. Василевс входил в алтарь, иерей снимал с него обычный венец и передавал его вестиарию; патриарх кадил на василевса, и затем они вместе выходили на амвон, где патриарх читал молитву на помазание. Во флорентийском чине она приведена полностью: “Царю царствующих и Господи господствующих⁵⁶, иже чрез пророка Твоего Самуила, раба Твоего Давида, елеем святым Твоим помазав царя⁵⁷ и главу народа Твоего, сам, Господи, Царю Святый, ниспошли силу Твою от святого жилища Твоего чрез руки мои, грешника, и помажь раба Твоего Мануила, царя нашего и главу верного народа Твоего, воздвигни во дни его справедливость и множество мира, покори под нозе его все варварские языки, хотящие войн, да и мы, тихое и беспечальное житие проводя, прославим великолепное имя Твое молитвами и заступлением пречистыя Твоея Матери, святого и славного пророка Самуила и святого и славного богоотца и пророка Давида, святых и боговенчаных великих царей и равноапостольных Константина и Елены и всех Твоих святых. Яко Твое есть царство и сила и слава Отца и Сына и Святого Духа ныне и присно и во веки веков, аминь”⁵⁸.

В отношении дальнейшего хода этапа помазания в приводимых двух чинах тоже есть различия. По Псевдо-Кодину, император обнажал голову, патриарх помазывал ее, выводя знак креста божественным миром (τῷ θεῷ μύρῳ)⁵⁹, громко говоря: “Свят” (ἅγιος). Все те, кто находился вокруг патриарха на амвоне, повторяли, в свою очередь, трижды “Свят”, также и остальные из народа, находившегося в храме, трижды произносили то же слово⁶⁰. По флорентийскому же чину сначала произносилось “Свят, свят, свят”, трижды повторяемое патриархом и клиром, а уже затем патриарх помазывал миром нарда (τῷ μύρῳ τοῦ νάρδου) императора⁶¹, т.е. в названных чинах гимн Трисвятой и помазание поменялись местами.

⁵⁴ Ps.-Kod. P. 257.26–258.3; Cant. I. 41. 1. 197. 19.

⁵⁵ Ps.-Kod.. P. 258.11–14.

⁵⁶ Первое послание к Тимофею. VI. 15.

⁵⁷ Ps.-Kod. P. 353.20–21: ἐν ἑλαίῳ ἁγίῳ σου χρίσας βασιλέα. Как кажется, речь должна идти о помазании не елеем, а миром.

⁵⁸ Ibid. P. 353.17–354.21. Здесь приводится славянский перевод по рукописи XIV в. См.: *Лопарев Хр.* К чину царского коронования... С. 8.

⁵⁹ По Симеону Фессалоникийскому, мир “не есть только елей, но слагается из множества других видов благовоний... елей есть символ милости Божией... Мир дается нам, как печать и знамение Христово” (Разговор... Гл. 33. С. 69; О священнодействии св. мира. Гл. 41. С. 83).

⁶⁰ Ps.-Kod. P. 258.19–29. Cant. I. 41. 1. 198. 8–11. См.: *Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 15–16.

⁶¹ Ps.-Kod. P. 354.21–355.7; *Лопарев Хр.* К чину царского коронования... С. 8. Нard – растительное масло из валерианы.

Итак, помазание, совершаемое в ходе коронавания василевса⁶², придавало правителю ореол святости. Сопровождавшее помазание многократное восклицание “Свят” определяло некую границу – смысловую и временную – наступления этой святости. Автор XV в. Симеон Фессалоникийский писал по этому поводу: “Благочестивый царь свят по помазанию...”⁶³.

Поскольку помазание василевса в ходе коронационного обряда совершалось не любым священником, а Константинопольским патриархом, помазанный Божий получал право, подобно священнослужителю, входить в алтарь и кадить⁶⁴. Б.А. Успенским высказан убедительный тезис, что совершаемое патриархом помазание василевса “придавало этому обряду особый смысл и особую значимость, заставляя воспринимать его в контексте параллелизма духовной и светской власти: подобно тому, как духовная власть была сосредоточена в руках одного лица, так и светская власть оказывалась в руках одного человека”⁶⁵.

Обряд помазания василевса не относился к разряду таинств в отличие от миропомазания, которое следует за таинством крещения. Миропомазание как таинство, наделявшее человека божественной благодатью, сопровождается помазанием миром лба, глаз, ушей и других частей лица и тела. При возведении же на престол помазуется – в форме креста – лишь голова императора, что дало основание Симеону Фессалоникийскому объяснить это тем, что и сам император является главой всех христиан: иерарх “крестообразно возливает на главу его миро, показывая тем, что сам Христос помазует его, что победивший крестом уготовляет и в нем победителя, что имеющий державу вечную и венец славы дарует и ему державу, и соделывает главою всех. Поэтому и помазует ему одну только главу. Потом провозглашает: ἅγιος (свят), внушая, что царь освящается от Святого и посвящается Христом в Царя освященных”⁶⁶.

Помазание василевса, в отличие от таинства миропомазания, могло быть повторено в ситуации венчания молодого императора, если на обряде присутствовал его отец, ранее помазанный на власть: в таком случае патриарх после помазания василевса-сына помазует и василевса-отца⁶⁷. Наряду с этим следует заметить, что помазанным мог быть только тот василевс, который в этот момент возводился к власти⁶⁸.

Помазание государя характерно для всех европейских средневековых государств. Из двух тел короля – тела вездесущего и бессмертного и тела обычного человека⁶⁹ – первое было олицетворением священной власти правителя. Исполнявший роль посредника между подданными и Богом король был носителем сакральной власти. Помазание елеем было на Западе доминантой королевского посвящения. Практика помазания, начавшая складываться примерно с VI–VII вв., имела в значительной степени германские и ирландские

⁶² Nicol D. Kaisersalbung. The Unction of Emperors in Late Byzantine Coronation Ritual // BMGS. 1976. Vol. 2. P. 37–52.

⁶³ Симеон Фессалоникийский. Разговор... Гл. 186. С. 278.

⁶⁴ Успенский Б.А. Царь и патриарх... С. 22–23. Примеч. 22.

⁶⁵ Там же. С. 120.

⁶⁶ Симеон Фессалоникийский. Разговор... Гл. 114. С. 199.

⁶⁷ Ps.-Kod. P. 355.9–12: Εἰ δ' ἔστιν υἱὸς βασιλεὺς ἔχων πατέρα βασιλέα, ὁ πατριάρχης χρίει αὐτόν.

⁶⁸ Успенский Б.А. Царь и патриарх... С. 129. Примеч. 26.

⁶⁹ Kantorowicz E.H. The King's Two Bodies...

корни⁷⁰. Варвары, в силу уровня их социального развития и ментальности, не могли воспользоваться для усиления власти “культом императоров”⁷¹ и прибегли к другому способу придания власти особой харизмы – помазанию. Начало устойчивой традиции инаугурационного помазания правителя связывается с именем франкского короля Пипина Короткого. В 751 г. этот майордом был возведен на престол папой римским именно помазанием, а не коронацией. В названном акте была помазана крестообразно лишь голова Пипина, но позднее традицией католической церкви стало помазание не только головы, но и лица. В источниках также встречаются сведения о помазании елеем также руки, спины, груди⁷².

На Руси помазание на царство не отличалось от таинства миропомазания. Возгласу “Свят”, имевшему место в акте помазания византийского василевса, в русском чине соответствовали слова, которые звучали при таинстве миропомазания: “Печать дара Духа Святаго”⁷³. Так сложилось здесь, что помазание, в отличие от Византии и средневекового Запада, свершалось не до венчания, а после него. Однако, невзирая на отличия, русская церковь пришла к идее помазания⁷⁴ под влиянием византийской традиции.

В самой же Византии помазание было введено в чин коронования василевса довольно поздно по сравнению с Западом⁷⁵: лишь в начале XIII в. была заложена эта традиция.

Чем можно объяснить, что изначально христианская Византийская империя обходилась без этой важной составляющей церемонии коронации правителя? Думается, что ромеям было достаточно заимствованной от Рима концепции “императорской идеи”, содержащей формулы божественного происхождения власти. Этот культ “цезарей” сам по себе имел сакральный характер⁷⁶. Традиционно сильная византийская государственность до поры до времени не нуждалась в дополнительном аргументе – помазании – для упрочения императорской харизмы.

Когда же была на время утрачена целостность Византии, когда Константинополь пал под ударами латинских рыцарей во время Четвертого крестового похода, появилось стремление к самоутверждению. Вполне допустимо, что никейский император Феодор I Ласкарис принял помазание под впечатлением акта коронации первого латинского правителя в Константинополе Балдуина I Фландрского⁷⁷: необходимо было подчеркнуть, что именно византийский

⁷⁰ Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М., 1998. С. 525–628; Хачатурян Н.А. Король – sacré... С. 22.

⁷¹ Блок М. Короли-чудотворцы... С. 136.

⁷² Бойцов М.А. Сидя на алтаре... С. 190.

⁷³ Успенский Б.А. Царь и патриарх... С. 16–18; Он же. Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов. М., 2000. С. 26–31.

⁷⁴ Первое помазание, совершенное после венчания, относится к середине XVI в.

⁷⁵ Савва В. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. Харьков, 1901. С. 132.

⁷⁶ Блок М. Короли-чудотворцы... С. 636.

⁷⁷ Помазание Балдуина I Фландрского в храме Св. Софии проводилось по западному (раннему) образцу: “...когда император подошел к алтарю, то опустился на колени, а потом с него сняли сперва накидку, затем паллий; тогда он остался просто в хитоне, и потом у него растегнули золотые пуговицы спереди и сзади, так что он остался совсем голым до пояса, а

император (а Никея была хранительницей византийских традиций) обладает особой харизмой святости.

Следует однако иметь в виду, что некоторые исследователи относят традицию помазания византийских василевсов к более раннему времени⁷⁸. М. Блок, к примеру, датирует византийский обряд помазания временем ок. 1200 г.⁷⁹, т.е., до коронации Балдуина I Фландрского. Б.А. Успенский считает, что помазание на царство появляется в Византийской империи до завоевания Константинополя крестоносцами и не имеет отношения к коронации Балдуина⁸⁰. Надо полагать, что западный и византийский обряды развивались в основном самостоятельно, не без взаимного влияния. Коронация же первого латинского правителя лишь поспособствовала утверждению обряда как традиции.

Следующим этапом чина было коронование василевса. По Псевдо-Кодину, корону (стемму) выносили из алтаря на амвон. Патриарх возлагал ее на голову коронуемого⁸¹, возглашая при этом: “Достоин” (ἄξιος). Затем следовало тройное повторение этого возглашения – сначала стоящими на амвоне, а затем народом – так же, как при восклицании “Свят” в акте миропомазания⁸². Игнатий Смоленский так описал обряд коронования: “...и облекоша царя в фелонец мал, до пояса, багрян, и иде царь на выход, свѣща в руцѣ держа. И стваряя патриарх вход, възиде на омбон, и царь с нимъ. И принесоша царский вѣнец на блюдѣ, покровен, такоже и царицин... И положи патриарх вѣнец на царя и даде ему крест в руку”⁸³.

Во флорентийском чине, как и в записях Игнатия Смоленского, отмечено, что во время венчания, вслед за возложением короны на голову императора патриарх давал ему в правую руку крест (ὁ πατριάρχης τὸν σταυρὸν δίδωσι ἐν τῇ δεξιᾷ αὐτοῦ)⁸⁴. Хр. Лопарев полагает, что у Псевдо-Кодина отсутствие этого акта является следствием пропуска фразы в тексте⁸⁵.

потом его помазали...” См.: *Клари Р. де.* Завоевание Константинополя / Пер., ст. и коммент. М.А. Заборова. М., 1986. Гл. ХСVI. С. 69.

⁷⁸ *Андреева М.А.* Очерки по культуре византийского двора в XIII веке. Прага, 1927. С. 61; *Жаворонков П.И.* Избрание и коронация никейских императоров // ВВ. 1988. Т. 49. С. 56–58. О. Трайтингер, суммируя факты более раннего помазания, называет его “картинным” (eine bildische Salbung), т.е., не ставшим еще непременно ритуалом (*Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee... S. 29. Anm. 90). Обзор литературы, где отстаивалось более раннее введение в Византии помазания (равно как и поднятия на щите) см.: *Ostrogorsky G.* Zur Kaisersalbung im spätbyzantinischen Krönungszeremoniell // *Historia.* 1955. Vol. IV. S. 246–256.

⁷⁹ Блок М. Короли-чудотворцы... С. 634–635.

⁸⁰ Успенский Б.А. Царь и император... С. 25–26.

⁸¹ Корону мог возлагать император-отец, если он присутствовал.

⁸² Ps.-Kod. P. 259.9–12; Cant. I. 41. 1. 198. 15–18.

⁸³ *Russian Travelers to Constantinople...* P. 109. Симеон Фессалоникийский так описывает этот сюжет: “Поверх царских одежд возлагается на Царя священное одеяние, составляющее принадлежность Самодержца и знаменующее благоустройство, благосостояние и мир, о которых он приемлет обязанность пеших в отношении Церкви. Еще получает он жезл, не какой-нибудь тяжелый и жесткий, но легкий и мягкий, в знак того, что он будет наказывать с кротостью, не гневно и разрушительно, не сокрушая и не губя (наказуемых)” (Разговор... Гл. 117. С. 200).

⁸⁴ Ps.-Kod. P. 355.15–17; *Лопарев Хр.* К чину царского коронования... С. 4. Примеч. 1.

⁸⁵ Можно вспомнить однако, что Псевдо-Кодин в другом месте трактата пишет о кресте, который император держит в правой руке “всегда, когда носит стемму” (Ps.-Kod. P. 264.4–7).

После коронования василевса, как по Псевдо-Кодину, так и по флорентийскому чину, и по записям Игнатия Смоленского, следовало коронование императрицы⁸⁶. Процедура коронации, по Псевдо-Кодину, сопровождалась чтением гимна Трисагион, Писаний апостолов и Евангелия⁸⁷. По флорентийскому чину, чтению предшествовала полихрония: “Многие вам лета, василевсы ромейские! Многие тебе лета, Мануил, василевс ромейский! Многие тебе лета, Елена, августа ромейская! Сей день Господен велик! Слава, слава, слава в вышних Богу и на земле мир, среди людей благоволение! Слава Богу, венчавшему вас, василевсы ромейские! Многие вам лета, василевсы ромейские!” После каждой строки звучал рефрен “ей, свят” (ναί, ἅγιε). И далее следовало трижды повторяемое певцами-маисторами пожелание многолетия: “πολλά, πολλά, πολλά ἔτη εἰς πολλά, πολλά, ἔτη εἰς πολλά, πολλά ἔτη εἰς πολλά, πολλά ἔτη εἰς πολλά”⁸⁸.

Ценность флорентийского фрагмента чина заключается в том, что в нем названы те библейские тексты, которые читались во время литургии, сопровождавшей коронацию императора. Псевдо-Кодин лишь замечает (считая, по-видимому, эти тексты общеизвестными), что читают писания апостолов и божественное Евангелие, как было указано выше. Отсутствие у Псевдо-Кодина указания на конкретные библейские тексты имело следствием то, что в русской православной церкви, ориентировавшейся на византийский чин коронования XIV в., где эти тексты не были указаны определенно, читались Послание к Римлянам (гл. 13. 1–7) и Евангелие от Матфея (гл. 22. 15–22). Текст же флорентийского чина позволил сделать Хр. Лопареву вывод, что в Византии читались Послание к Евреям (гл. 12. 28–13.6) с несколько измененным началом (“ἀδελφοί, βασιλείαν Θεοῦ παραλαμβάνετε”) и Евангелие от Иоанна (гл. X. 1–16): “ὁ μὴ εἰσερχόμενος διὰ τῆς θύρας εἰς τὴν αὐλὴν τῶν προβάτων”⁸⁹.

По Лопареву, слова из Апостола “Господь мне помощник, и не убоюсь, что сделает мне человек?” соответствовали беспокойной внутривосточной обстановке, когда “императорский престол не был обеспечен от интриг и воцелений претендентов”, а слова Евангелия от Иоанна “да будет едино стадо и один пастырь” должны были “укреплять в византийцах веру в единоначалие царской власти и в авторитет этого единоначалия”⁹⁰.

В продолжение всей церемонии коронования император (или императрицы) с императрицей сидели на тронах, стоящих на возвышении, вставая лишь при пении гимна Трисагион и при чтении Апостола и Евангелия⁹¹.

Византийский обряд венчания восходит к римским временам. Впервые диадема была возложена патриархом на голову нового правителя в 457 г.

⁸⁶ Ibid. P. 260.4–262.5; 355.18–25; Cant. I. 41. 1. 198. 24–199. 14; Russian Travelers to Constantinople... P. 109. Этот сюжет рассмотрен в статье: Поляковская М.А. Женщина в византийском придворном церемониале XIV в. // *Albo dies notanda lapillo: коллеги и ученики* – Г.Е. Лебедевой. СПб., 2005. С. 51–57.

⁸⁷ Ps.-Kod. P. 262.24–28.

⁸⁸ Ibid. P. 357.13–358.3.

⁸⁹ Ibid. P. 358. 7–8; Лопарев Хр. К чину царского коронования... С. 2, 5.

⁹⁰ Лопарев Хр. К чину царского коронования... С. 5–6. Лопарев даже полагал, что именно Евангелие от Иоанна должно читаться при коронационной литургии в московском Успенском соборе. Ученый не мог знать, что в России церемония коронации уже не повторится никогда...

⁹¹ Ps.-Kod. P. 262.22–28.

при короновании императора Льва I Великого⁹². Позднее на смену диадеме, носимой в обычное время, возлагалась стемма – золотой обруч с крестом на пересечении дуг⁹³. Западный обряд возложения короны, несомненно, был заимствован из Византии⁹⁴. Во многом это было следствием традиции дарения византийскими василевсами императорской короны западным правителям. Можно вспомнить в связи с этим известную – эталонную по форме – святу «корону Стефана», подаренную византийским императором венгерскому королю Гейзе в 70-х годах XII в.⁹⁵ Правда, европейцы чаще возводили истоки традиции коронования правителей к обычаям германских племен и ранних варварских государств – с тем, чтобы подчеркнуть независимость от римских, а тем более византийских традиций. Однако в конце средневековья образцом становится церемония коронования цезарей древнего Рима и василевсов Византийской империи⁹⁶. Вполне возможно, что византийская стемма и западная королевская корона имели общий прототип, принятый до разделения церквей в XI в.⁹⁷

На Руси возложение венца при возведении на престол принято относить к влиянию византийской традиции. Поскольку помазание пришло на Русь довольно поздно, в XVI в., был заложен обычай коронования, отличный как от Византии, так и от Запада: здесь возложение венца предшествовало помазанию. Видимо, венчание уподоблялось крещению и завершалось миропомазанием⁹⁸. В связи с такой особенностью русского церемониала царский венец (шапка) возлагался на голову коронуемого вторично после миропомазания и причащения⁹⁹. Это было продиктовано стремлением все-таки приблизиться к византийскому обряду. В шапке Мономаха усматривают элементы византийского скиадиа, имевшего вид обруча с матерчатым верхом¹⁰⁰. Позднее, к возведению на престол Федора Алексеевича, когда ориентация на Византию стала еще более определенной, был изготовлен венец («Грамотинский»), приблизившийся по форме к поздневизантийскому образцу короны. Шапка же Мономаха оставалась по-прежнему русским символом венчания на царство. Со времени императора Петра I корона стала ближе к западным образцам (которые, впрочем, также испытали воздействие Византии)¹⁰¹.

Завершающим этапом церемонии коронования было причащение императора. В момент исполнения гимна великого Входа (τοῦ ἐπὶ μεγάλῃ εἰσόδῳ ὕμνου)¹⁰² самые влиятельные из диаконов церкви вновь приглашали императора, надевали на него поверх саккоса и диадемы золотую накидку (μανδύαν

⁹² Бибииков М.В. «Великие василевсы» византийской империи: к изучению идеологии и эмблематики сакрализации власти // Священное тело короля... С. 40.

⁹³ Блок М. Короли-чудотворцы... С. 143–144; Мареева О.В. Генезис венца как регалии власти // Священное тело короля... С. 420–421.

⁹⁴ Блок М. Короли-чудотворцы... С. 143, 626.

⁹⁵ Грабар А. Император в византийском искусстве. М., 2000. С. 27, 35, 50.

⁹⁶ Паламарчук А.А. Символика и атрибутика королевской власти и антикварный дискурс начала XVII в. // Священное тело короля... С. 409.

⁹⁷ Мареева О.В. Генезис венца... С. 426.

⁹⁸ Успенский Б.А. Царь и патриарх... С. 21.

⁹⁹ Там же. С. 137–138.

¹⁰⁰ Мареева О.В. Генезис венца... С. 423–424.

¹⁰¹ Там же. С. 427.

¹⁰² Ps.-Kod. P. 263.21–23.

χρυσοῦν)¹⁰³, и он шел с ними к престолу, где находились Св. Дары. В правой руке императора был крест, в левой – деревянный ларец (νόθηξ)¹⁰⁴. Император шел, окруженный знатью и почетной стражей, а вслед за ними следовали священники, несущие Тело и Кровь Господни. Часть из них обходила вокруг нефа и двигалась по направлению к солею. Император же, пересекая солею, шел навстречу патриарху, стоящему перед священными вратами со стороны алтаря. Стоя друг напротив друга у священных врат (патриарх в алтаре, а василевс со стороны солеи), они наклоном головы приветствовали друг друга.

Один из диаконов кадил на императора, громко (μεγάλῃ τῇ φωνῇ) произнося: “Пусть Бог, наш Господь, помнит о власти твоего Величества в своем господстве всегда и сейчас и навеки и вовеки веков”, добавляя “Да будет так” (ὡμῆν)¹⁰⁵. Все диаконы и священники повторяют “Да будет так” за ним. Затем то же самое произносилось по пути их к алтарю и в адрес патриарха: “Пусть Бог, наш Господь, помнит о твоём Святейшестве всегда, теперь и навеки и вовеки веков”¹⁰⁶. После этого референдарий церкви снимал с императора его накидку, и он, всходя на анавафру, садился на трон, вставая только во время чтения священного Символа и возвышения Тела Господа¹⁰⁷.

При возвышении Св. Даров император вновь приглашался в алтарь, где он, получив кадило, кадил крестообразно Св. Престол – на восток, на север, на запад, на юг. Затем он кадил на патриарха, а тот, взяв кадило из рук императора, кадил на него¹⁰⁸. Император перед причащением снимал стемму. Сначала причащался Св. Телом и Св. Кровью патриарх, а затем император причащался из рук патриарха Св. Телом и Живительной кровью из святой чаши, которую держал патриарх. Причастившись, император снова возлагал стемму на голову и выходил из алтаря под звуки божественной литургии¹⁰⁹. Во флорентийском чине сюжет причащения рассмотрен более кратко, чем у Псевдо-Кодина¹¹⁰, и не содержит каких-либо разногласий.

Игнатий Смоленский так описал увиденный им обряд причащения: “И въстав царь, иде в олтарь. И одѣша в фелонецъ, и предшествова пред святыми дарми в пренос, свѣщу возжену в руцѣ держа... Елико долго бѣ шествие святым даром, колико Херувимское песни есть. И по входѣ святых даров кадить царь около престола. И пребысть в олтари до святаго причащения”¹¹¹.

Византийский обряд коронационного причащения императора не был неизменным. На начальном этапе, в позднеантичный период, император находился в алтаре в течение всей литургии; позднее же, начиная со времени Феодосия II (379–395), император входил в алтарь лишь для того, чтобы при-

¹⁰³ Ibid. P. 264.1–4; Cant. I. 41. 1. 200. 5.

¹⁰⁴ Ps.-Kod. P. 264.4–8; Cant. I. 41. 1. 200. 5–7. В переводе Ж. Верпо император держал в левой руке жезл. Вероятно, это ошибка набора текста: une baguette (жезл) вместо должного un baguier (шкатулка). См. также: Taft R.F. The Great Entrance. A History of the Transfer of Gifts and other Preanaphoral Rites of the Liturgy of St. John Chrysostom. Rome, 1975. P. 201.

¹⁰⁵ Ps.-Kod. P. 266.14–18; Cant. I. 41. 1. 201.3–5.

¹⁰⁶ Taft R.F. The Great Entrance... P. 202.

¹⁰⁷ Ps.-Kod. P. 266.10–267. 13; Cant. I. 41. 1. 201. 9–13.

¹⁰⁸ Ps.-Kod. P. 267. 20–268.3; Cant. I. 41. 1. 201. 18–22.

¹⁰⁹ Ps.-Kod. P. 268. 4–20; Cant. I. 41. 1. 202. 3–8.

¹¹⁰ Ps.-Kod. P. 359.24–359.1.

¹¹¹ Russian Travelers to Constantinople... P. 111.

нести Дары Творцу¹¹². По Константину Багрянородному (945–959), василевс причащался на специальном престоле (антиминсе), находившемся на солее перед алтарем¹¹³. Патриарх ставил на антиминс вынесенные из алтаря Тело Христово на дискосе и Кровь Христову в чаше. Отдельное причащение Тела и Крови делало императора равным священнослужителям, но в отличие от них в этот период он причащался вне алтаря. По Псевдо-Кодину и Иоанну Кантакузину, как мы видели, василевс причащался под обоими видами в алтаре, т.е. как священнослужители.

На средневековом Западе короли в ходе коронационного обряда, после возложения короны и получения инсигний власти (скипетр, иногда пальмовая ветвь), причащались как священнослужители, под обоими видами. Так, Карл Лысый в 869 г. в завершение обряда коронования был удостоен евхаристии — хлебной облаткой и вином, что являлось привилегией клира¹¹⁴. Нет оснований усматривать в этом ритуале какое-либо взаимное влияние между Западом и Византией. Процесс сакрализации монарха протекал на фоне повышения значимости церкви как в Византии, так и в странах средневековой Европы.

Причащение в русской традиции коронования восходит ко времени поставления на царство Федора Ивановича (1584): в этом обряде царь причащался в то время, когда причащают священнослужителей, что придавало личности коронуемого “особый литургический статус”¹¹⁵. Начиная со второй половины XVII в. царей причащают под обоими видами в алтаре как служителей церкви.

Несомненно, влияние Византии здесь было значительным: в обряде причащения, как и во всем чине коронования, Русь следовала византийской традиции, хотя совпадение в обряде не было абсолютным. Так, царь Федор Алексеевич (1676–1682) причащался не после патриарха, как василевс, а перед диаконами (как иподиакон). Здесь, как убедительно предполагает Б.А. Успенский, сказалось влияние трактата Симеона Фессалоникийского, который основывался не на реальной практике причащения во время обряда коронации василевса, а на своем представлении, как оно должно осуществляться¹¹⁶. В целом же, русский обряд причащения был ориентирован на византийский чин.

После завершения литургической части коронации¹¹⁷ император и члены императорской семьи, поднявшись на возвышение-анавафру, “являли” себя народу, собравшемуся в храме, а затем участвовали в раздаче освященного хлеба — антидорона (ἀντίδωρον)¹¹⁸. Носящее парадный характер общение с народом завершал отъезд императора в Большой императорский дворец (εἰς τὸ μέγα παλάτιον). Император направлялся туда верхом на коне, а все осталь-

¹¹² Успенский Б.А. Царь и патриарх... С. 154. Примеч. 3.

¹¹³ Беляев Д.Ф. Byzantina II... С. 173.

¹¹⁴ Польская С.А. “...Прими власть как испытание...”: королевское помазание и коронация в протоколах франкских коронационных порядков // Священное тело короля... С. 271.

¹¹⁵ Успенский Б.А. Царь и патриарх... С. 151–152.

¹¹⁶ Там же. С. 154–155. Примеч. 3. С. 175. См. также: Majeska G.P. Commentaries // Russian Travelers to Constantinople... P. 433. N 114.

¹¹⁷ Иоанн Кантакузин называет действие в храме не ἡ λειτουργία, как у Псевдо-Кодина, а ἡ μυσταγωγία. Это определение встречается один раз и у Псевдо-Кодина, но в более широком смысле (Ps.-Kod. P. 262. 23).

¹¹⁸ Ibid. P. 268.20–23.

ные – от деспота до самых низов – шли пешком. Во дворце к этому времени был приготовлен праздничный стол¹¹⁹. Празднества продолжались в течение десяти или более дней¹²⁰.

По флорентийскому чину, праздничная трапеза проходила только на следующий после коронации день¹²¹. Вероятно, это соответствовало действительности: империя беднела от десятилетия к десятилетию (а рассматриваемые чины разделяет почти полвека). Надо полагать, что и пиршество проходило не в Большом императорском дворце, а во Влахернах, в резиденции василевса.

В данной статье умышленно опущена эмоционально-эстетическая составляющая обряда коронования василевса (тема будет представлена позднее). В качестве квинтэссенции восприятия этой церемонии приведем лишь слова паломника Игнатия Смоленского: “И бысть вънчание его чудно видѣти”¹²².

Был ли в Византии XIV в. единый чин коронования василевса? Сравнение четырех имеющихся в руках исследователей источников позволяет ответить на этот вопрос положительно. Однако этот чин, общий в основных принципиальных моментах, допускал некоторые отличия. Рассмотрим их в соответствии с этапами чина.

Ритуал поднятия василевса на щите в описании Псевдо-Кодина и Иоанна Кантакузина не содержит каких-либо различий. Чин из флорентийской библиотеки Лоренцо Медичи не может быть использован для сравнения, так как он сохранился лишь фрагментарно и начинается с ритуала помазания. Что же касается описания Игнатия Смоленского, то он, казалось бы, должен был стать свидетелем обряда, поскольку он был в храме с самого утра: “Восиавшу дни, приидох и аз тамо”¹²³. Даже если Игнатий Смоленский не выходил из храма до начала коронации, он знал бы о ритуале поднятия на щите (если бы тот состоялся). Несомненно, что этого ритуала не было. Почему? Может быть, это было связано с тем, что для Мануила II это была повторная коронация, хотя при первой коронации в сентябре 1373 г.¹²⁴ он короновался как соправитель своего отца Иоанна V Палеолога и не мог быть поднят на щите¹²⁵. Нелепым было бы предположить, что ритуал не состоялся из-за плохой ветреной погоды, о которой написал Димитрий Кидонис в поздравительном письме Мануилу II Палеологу в связи с его воцарением¹²⁶. Вероятнее всего, ритуал поднятия на щите в это время не был непременным этапом коронации. Но ритуал сохранился и в эпоху последних Палеологов. Так, автор XV в. Симеон Фессалоникийский включал его в церемонию коронования василевса: “При венчании на царство, если получает его по преемству, он первоначально провозглашается от царственных особ, поднимающих его на воинском щите пред

¹¹⁹ Ibid. P. 269. 19–25.

¹²⁰ Ibid. P. 271.24–28; Cant. I. 41. 1. 202. 17–19.

¹²¹ Ps.-Kod. P. 361. 4–12.

¹²² Russian Travelers to Constantinople... P. 105.

¹²³ Ibid.

¹²⁴ Дата первой коронации Мануила II Палеолога спорна. См.: Schreiner P. Hochzeit und Krönung... S. 74; Majeska G.P. Commentaries. P. 418. N 12.

¹²⁵ Равно, как не мог быть и не был помазанным. См.: Schreiner P. Hochzeit und Krönung... S. 73–75.

¹²⁶ Démétrius Cydonès: Correspondance / Publ. par R.-J. Loenertz. Città del Vaticano, 1960. T. 2. N 430.

народом, что означает военачальство и царскую власть. Потом принимается он высшими сановниками, как соделавшийся началом их и главою. Воины и народ воздают ему честь поклонением и хвалебными восклицаниями, как соделавшемуся их владыкою. Царь раздает им дары, как соделавшийся их обладателем, благодетелем и попечителем. Потом он приходит в Церковь...”¹²⁷.

Что же касается различий в описании начального этапа церемонии коронования василевса, то, по Симеону Фессалоникийскому, вручение василевсом патриарху собственноручно написанного Символа веры происходит не до начала процедуры поднятия на щите, как у Псевдо-Кодина, а после нее, когда василевса, вошедшего в храм, встречал патриарх¹²⁸.

При совершении акта помазания отличие, судя по официальным обрядам, заключалось в последовательности ритуалов самого помазания и провозглашения святости императора. Но поскольку святость василевс обретал именно через помазание, то чин, описанный Псевдо-Кодином, представляется более убедительным, чем тот, который содержится во фрагменте рукописи из флорентийской библиотеки. Может быть, во втором чине имелась в виду одновременность помазания и провозглашения святости. Во всяком случае, в византийской традиции осталась та последовательность ритуала, которая описана Псевдо-Кодином.

В описании обряда коронования императора отличием можно считать пропуск Псевдо-Кодином фразы о вручении василевсу креста – вслед за возложением короны (что объяснено Хр. Лопаревым как случайный пропуск в тексте), а также отсутствие расшифровки Псевдо-Кодином читаемых в течение ритуала коронования текстов из Посланий апостолов и Евангелия. Но, думается, что в последнем случае нужно видеть не разногласия, а уточнение флорентийской рукописью официального чина, составленного в середине XIV в. Как известно, Хр. Лопарев полагал, что речь идет об одних и тех же текстах, лишь не названных Псевдо-Кодином.

Однако уточнение во флорентийской рукописи читавшихся на коронационной литургии текстов нашло иную интерпретацию в статье С.В. Райнерта¹²⁹, который, анализируя политическую ситуацию в империи времени коронации Мануила II Палеолога, находит, что библейские тексты были специально подобраны именно к этому событию. По его мнению, образы, содержащиеся в этих фрагментах из Библии, намекали как на саму ситуацию конфликта Мануила II и его племянника Иоанна VII Палеолога, так и на возможный выход из нее¹³⁰. С этим нельзя согласиться, вспомнив, что чин из флорентийской библиотеки не писался специально для коронации Мануила II: в рукописи вместо имен Мануила и Елены стояло “ὁ θεῖνα / ἡ θεῖνα”. Что же касается совпадения смысла текстов Священного Писания с конкретным политическим фоном, то можно заметить, что весь четырнадцатый век был заполнен династическими скандалами, борьбой за власть, общей политической нестабильностью: любую из конкретных ситуаций можно подогнать под интерпретируемый текст.

¹²⁷ Симеон Фессалоникийский. Разговор... Гл. 112. С. 197.

¹²⁸ Там же. С. 198.

¹²⁹ Reinert S.W. Political Dimensions of Manuel II Palaiologos' 1392 Marriage and Coronation. Some New Evidence // *Novum millenium: Studies on byzantine History and Culture dedicated to P. Speck* / Ed. C. Sode, S.A. Takács. Ashgate, 2001. P. 291–303.

¹³⁰ Ibid. P. 295–300.

Реальнее предположить, что указанные во флорентийском чине библейские тексты читались при всех коронациях василевсов в XIV в.

Обряд причащения в описании изученных источников не содержит больших различий. Можно говорить лишь о большей или меньшей полноте описания ритуала. Некоторые разночтения проявились при упоминании той мантии (μανδύας), которую надевали на василевса (поверх саккоса) перед причащением. Игнатий Смоленский упоминает эту мантию дважды: на этапе коронования и при причащении. Это повторение может быть связано с тем, что паломник записывал увиденное уже после завершения литургии. Важнее другое, в чем он не мог ошибиться: паломник увидел эту небольшую, до пояса, “фелонь”¹³¹ багряной, в то время, как оба официальных обрядника пишут о золотой накидке. Зрительное впечатление обычно более всего откликается именно на цвет: трудно спутать красный и золотой цвета, если только эта накидка не была златотканной на красной основе. Впрочем, оба цвета являются “царскими”, и вполне допустимо, что во время обряда использовалась мантия именно того цвета, который увидел Игнатий Смоленский.

Явные разногласия в сообщениях источников на этапе причащения мы наблюдаем относительно того, что держал в руках василевс, направляясь к алтарю. По Псевдо-Кодину, в правой руке император держал крест, в левой — ларец. Флорентийская рукопись сообщает, что император нес в правой руке ларец. Игнатий же Смоленский написал о зажженной свече в руке царя. Видимо, подобные различия были допустимы. Кроме того, следует иметь в виду, что василевс мог вообще не причащаться, если он к этому не готовился¹³².

Итак, в XIV в. при единых стержневых этапах общего чина коронования императора возможны были небольшие вариантные отклонения, не меняющие общей концепции ритуала. Некоторые сомнения вызывает обязательность обряда поднятия на щите, особенно для первой половины XV в., не обеспеченной репрезентативными источниками по изучаемой теме.

Чин коронования императора, представляющий многочасовой “спектакль”, развивающийся по определенному сценарию, служил цели возвышения власти до уровня божественной, что вызывало у свидетелей литургического действия ощущение вечности власти. Церковный обряд коронования являлся отражением того “византинизма”, в основе которого наряду с другими его проявлениями лежала концепция императорской идеи великой державы, идеи, столь нужной Византии в условиях назревавшего и время от времени проявлявшегося социального и политического кризиса. При последних Палеологах это веками проверенное идеологическое средство уже не могло быть спасительным, а церемониал превратился в спектакль с печальным финалом.

¹³¹ Фелонь — одежда без рукавов с отверстием для головы. Симеон Фессалоникийский называет его саккосом (Разговор... Гл. 49. С. 101).

¹³² Ps.-Kod. P. 267. 14–18.